

Александр Иванович Куприн

Первый встречный

Александр Куприн
Первый встречный

«Public Domain»

1897

Куприн А. И.

Первый встречный / А. И. Куприн — «Public Domain», 1897

© Куприн А. И., 1897
© Public Domain, 1897

Содержание

Первый встречный

5

Александр Куприн

Первый встречный

*Ялта, 22 августа, 18** г.*

Милостивая государыня!

Нет сомнения, что настоящее письмо удивит вас или даже, может быть, раздосадует. Конечно, ничто не мешает вам бросить его в камин не читая, но во всяком случае я прошу вас прежде взглянуть на конверте штемпель места отправления. Вы увидите, что это письмо писано за две тысячи верст с лишком от вас. Это обстоятельство, в связи с тем, что я открыто подписываю внизу свое имя и фамилию, может вам послужить ручательством, что вы не сделались в данном случае предметом ни мистификации, ни шантажа, ни интриги, ни тем более каких-нибудь безумных надежд с моей стороны.

...Это случилось в Петербурге, ровно четыре года тому назад, 22 августа 18** года. О, даже умирая, я вспомню это число и этот ненастный, мокрый и холодный вечер! В воздухе висел густой туман, и в двадцати шагах глаз ничего не разбирал. Огни электрических фонарей казались издали большими и радужными пятнами. Отовсюду, и справа и слева, слышалось шлепанье невидимых экипажей. Изредка серую мглу быстро прорезали два желтых огненных пятна – это проезжала карета. Где-то с неумолкаемым звоном влачилась конка, но ее не было видно. Я бесцельно бродил по улицам, изредка останавливаясь перед освещенными окнами. Иногда я простаивал перед ними до десяти минут и более, охваченный странным, мечтательным любопытством. Особенно привлекали меня квартиры с богатой обстановкой: с люстрами, коврами, зеркалами, цветами и шелковой мебелью. Я был тогда беден и одинок (как и теперь, впрочем). Мыканье по урокам, жизнь в меблированных комнатах и дешевые обеды подточили мое здоровье, а вечное одиночество сделало меня диким и нелюдимым мечтателем. И вот именно этой-то чудовищной мощи мечты я и был обязан теми наслаждениями, которые я испытывал, стоя перед освещенными окнами незнакомых домов, затерянный среди ночи и тумана и равнодушной суеты столичного города. Я жил двумя жизнями. Днем – робкий и неуклюжий, с ненавистным мне самому лицом, в картонной манишке и в панталонах, висящих внизу бахромой, как шерсть у запущенного пуделя, – днем я заискивал перед швейцарами, тщательно прятал под стул, на котором сидел, свои дырявые сапоги, страдал, когда мне пренебрежительно не подавали руки, и стыдливо избегал людных улиц. Но зато вечером, под моими любимыми окнами – о! вечером я бывал и ловок, и красив, и умен. Я одерживал победы над женщинами и влиял на биржу. Какие у меня были лошади и какой великолепный стол!.. Я входил в эти прекрасные комнаты, освещенные канделябрами и насыщенные теплым ароматом духов и растений: эти комнаты принадлежали мне. Я играл вон с теми тремя стариками аристократического типа в карты, и мы не спеша обменивались важными изысканными выражениями. Я очаровывал общество пением, стоя вон у того раскрытого рояля. Я бывал то мужем, то женихом, то любовником всех этих красивых женщин с размеренными движениями, утопающих в кружевах и полулежащих на причудливо изогнутой мебели. Женщины в такие вечера особенно сильно овладевали моим воображением. А днем я ни за что не осмелился бы сказать любезность простой судомойке.

Впрочем, я отвлекся в сторону. Прошу простить меня за невольное отступление и продолжаю. На углу Литейной и Невского стояла неподвижно около фонаря какая-то неясная, благодаря туману, фигура. Я подошел ближе и остановился в изумлении. Не то поразило меня, что это была женщина, – кто же не знает, как много и каких именно женщин высылают в такую пору на улицы Петербурга легкомыслие, обман и нищета? Но как могла очутиться именно такая

женщина, в грязный осенний вечер, на людном городском перепутье и одна, совершенно одна – без спутника, без провожатого или без лакея? Это было для меня так же удивительно и так же непонятно, как если бы зимою среди поля я увидел лежащую на снегу красную розу. В ее высокой фигуре, в позе, в каждой складке ее темного платья чувствовалась женщина высшего света, одна из тех женщин, которых в такой вечер можно увидеть только в тот момент, когда, выйдя из кареты, они торопливо и легко проходят по красному сукну освещенного подъезда между двумя рядами больших растений в кадках, оставляя за собой едва уловимый запах духов. И не я один это чувствовал. Мимо незнакомки, покамест я наблюдал ее, прошло несколько уличных шатунов в подвороченных панталонах и с папиросками в зубах. Но никто не осмелился подойти к ней, ни у одного из них не хватило смелости заговорить с этой женщиной.

Она была, по-видимому, чем-то взволнована. Несколько раз она нетерпеливо повертывала голову то в одну, то в другую сторону и время от времени нервно стучала зонтиком по грязным плитам мостовой.

Сначала я подумал было, что она кого-нибудь дожидается, – конечно, возлюбленного. Но я тут же отбросил эту мысль, вспомнив обстановку адюльтера из бесчисленного множества поглощенных мною французских романов. Там, обыкновенно, *la petite baronne de Coussy*¹, назначив свидание своему *Raymond*'у², едет сначала в собственной карете, выходит из нее в отдаленном пункте города, затем, отослав кучера, нанимает фиакр и только таким путем попадает, наконец, в *notre petit nid*³, которое с таким вкусом меблировано очаровательным *Raymond*'ом. Тем более что, если бы она ждала кого-нибудь, она непременно поглядывала бы довольно часто на часы. Но, может быть, она в горе? в нужде? в затруднении?

И вдруг, толкаемый какой-то пружиной, я подошел к незнакомке и приподнял шляпу. От испуга перед собственным поступком я почувствовал, как сердце у меня забилося, а во рту пересохло. Однако я нашел в себе силу, чтобы пролепетать:

– Простите мою смелость, сударыня, но я вижу, что вы находитесь в затруднении... Может, вы заблудились?.. Не могу ли я чем-нибудь служить вам?

Она посмотрела на меня... Нет, не посмотрела, а именно, как говорится в романах, «смерила с ног до головы», смерила долгим и молчаливым взглядом и вдруг произнесла тоном решимости, не поддающимся никакому описанию:

– Вы или другой... все равно!..

И, быстро взяв меня под руку, она прибавила почти повелительно:

– Идемте.

На углу, как раз около того места, где мы разговаривали, стоял извозчик. Я вспомнил о том, что у меня в кармане болтаются два рубля с мелочью, предназначенные на уплату части квартирного долга.

– Не удобнее ли будет вам поехать на извозчике? – спросил я.

Не отвечая ни слова на мой вопрос, незнакомка поспешно вскочила в пролетку. Я стоял в замешательстве рядом. Она левой рукой подобрала под себя платье и нетерпеливо воскликнула:

– Да садитесь же наконец!

Я поспешно повиновался.

– Куда прикажете? – спросил извозчик, перегибаясь с козел.

– Куда прикажете? – повторил я, как эхо.

Боже мой! Какое прекрасное и гневное лицо вдруг обернулось ко мне.

¹ Маленькая баронесса де Кусси (*фр.*).

² Раймонду (*фр.*).

³ Наше маленькое гнездышко (*фр.*).

– Разве мне это не все равно? Куда вы возите этих... – она запнулась и выговорила с брезгливым подчеркиванием, – ...этих, вот этих женщин?

Я велел извозчику ехать прямо. Мы миновали Литейную, миновали еще какую-то улицу. Она молчала, а я, боясь с ней заговорить, недоумело соображал – кто же моя загадочная спутница: морфинистка, безумная или приезжая и обобранная кем-нибудь женщина, не знающая города и оставшаяся без средств? Может быть, она потрясена каким-нибудь слишком сильным горем? Может быть, она потребует в чем-нибудь помочь ей? Но – клянусь богом – ни одна нехорошая мысль не приходила мне в голову. Несколько раз незнакомка делала жесты, по которым я мог судить о ее нетерпении.

Вдруг она отрывисто спросила:

– Что же, скоро мы приедем?

– Простите меня... я... я, право... я не совсем понял вас... я ведь не знаю, куда вам угодно.

Она со злостью ударила рукой по зонтику.

– Ах, господи!.. Я вам сказала уже, что не знаю ваших грязных притонов...

В это время мы проезжали мимо вывески. Висевший над ней фонарь позволял прочитать: «Номера Занзибар, помесечно и посуточно».

– Вот гостиница, – сказал я робко.

Она безмолвно наклонила голову и совсем от меня отвернулась. Я остановил извозчика. Дверь на блоке пронзительно и протяжно завизжала. Перед нами круто подымалась узкая деревянная лестница с грязной полотняной дорожкой, а вдоль нее на стене были нарисованы какие-то деревья, около них – барашки.

Пахло щами и керосиновым газом. Я закричал изо всех сил: «Коридорный!» Мне ответил звонкий резонанс, но никто не явился на мой зов. Я оглянулся на свою даму: она не глядела на меня и мне казалось, что она дрожит. Тогда я закричал громче прежнего: «Номерной! Швейцар!»

На этот раз на лестнице показался босой парень, заспанный и опухший, в красной рубахе, выпущенной из-под жилета. Он нехотя спустился до половины лестницы, остановился, почесал одной ногой другую, потом почесал лохматую голову и, не раскрывая слипшихся глаз, спросил сиплым голосом:

– Что нужно?

– Есть номера свободные?

– Есть. Вам большой номер?

– Все равно, только скорее!

Он повернулся и, лениво сказав: «Пожалуйста», стал подыматься вверх. Я в последний раз посмотрел на незнакомку, и как будто бы она на этот вопросительный взгляд с какой-то вызывающей смелостью побежала по ступеням. Я пошел сзади. Она была без калош; уличная грязь забрызгала ее узенькие лакированные туфельки, низ черной юбки и ажурные чулки, и – странно – это мелочное наблюдение наполнило мое сердце невыразимой жалостью...

Босой парень ждал нас у двери номера с огарком в руках.

Мы вошли. Теперь, когда я пишу эти строки, передо мной с беспощадной ясностью восстает пошлая обстановка этого «номера» (как теперь помню – десятого): прямо перед дверью в наклонном положении – круглое зеркало в облупившейся бронзовой раме; под ним диван и два кресла, обитые темным кретоном с большими красными цветами, а между этой мебелью круглый черный стол; направо комод с пыльным графином и стаканом на нем; налево железная складная кровать с голым тощим матрацем; ситцевые темные занавески на окнах. Даже обои я помню: на грязно-зеленом фоне повторялся в шахматном порядке все один и тот же рисунок

– башня, вода и подъемный мост через воду, а на мосту стоят, взявшись за руки, кавалер и дама в костюмах Louis XIV⁴.

Номерной явился следом за нами, держа в руках подушку, а на ней сложенную простыню и серое байковое одеяло с красными каймами. Бросив все это с размаху на кровать, он вытер нос ребром ладони и грубо спросил:

– На время номер берете или на ночь?

Я сделал ему рукой знак, но он продолжал:

– Потому, если на всю ночь, так полиция паспорт требует, потому – строго зискуется, ежели...

– Выйдите отсюда! – произнесла вдруг незнакомка.

Эти слова были сказаны совершенно спокойно – без раздражения, без аффектации, без величественного презрения, – простым тоном человека, которому никогда не приходила мысль, что его требование может остаться неисполненным. И такова была сила бессознательной самоуверенности, что наглый парень тотчас же с растерянным видом выскочил за дверь. Мы остались одни. Моя незнакомка стояла до сих пор неподвижно перед комодом, спиной к двери. По-видимому, она никак не могла освоиться с тем отвращением, которое ей внушала эта ужасная комната. Напряженное молчание длилось минуты две или три.

Вдруг она, слегка повернув ко мне свою гордую голову, но не глядя на меня, спросила суровым голосом:

– Вы, конечно, знаете, зачем я с вами сюда приехала?

– Извините, ради бога, – пролепетал я, заикаясь, – но я... я, право, не могу догадаться...

Она быстрыми шагами подошла почти вплотную ко мне. Эти пылающие темные глаза, эти тонкие брови, сдвинувшиеся посредине лба в гневную складку, невольно заставили меня попятиться.

– Как! Вы не знаете? – воскликнула она, задыхаясь. – Вы не знаете?.. Вы? Вы? Мужчина?.. Лжете!!

Я не находил ответа на эти злобные, но в то же время и страстные вопросы... и молчал. Незнакомка вдруг сильным движением швырнула зонтик на диван, сбросила шляпу и дрожащими руками стала расстегивать большие перламутровые пуговицы своей кофточки.

– Вы не знаете?.. Тем лучше! – слышал я отрывистые, злобные восклицания. – Тем лучше!.. Ну, так знайте же, что мне был нужен первый встречный... Понимаете ли, первый встречный... то есть – вы, именно вы!.. – выкрикнула она дрожащими губами. – Нужен для того... для того... ха-ха... для того... ха-ха-ха-ха...

И она залилась странным смехом, чистым, тонким и сначала очень тихим. Но потом, становясь все громче и громче, этот смех ужасом отозвался в моей душе. В нем смешались и хохот, и рыдания, и стоны, и прерывистые вздохи, от которых стройное тело женщины тряслось, вздрагивало и шаталось из стороны в сторону.

Растерявшийся, испуганный, потрясенный почти не менее ее, – я все-таки догадался слегка взять ее за талию и подвести к креслу. Она упала в него, откинув голову назад и закрыв лицо руками. Я отворил окно. Влажный, холодный воздух вторгнулся в комнату. Видя, что это несколько успокоило даму, я налил в стакан воду и предложил ей, говоря при этом какие-то несвязные успокоительные слова. Она отрицательно покачала головой и своей маленькой ручкой в желтой перчатке отстранила мою руку. Однако мало-помалу припадок стал ослабевать, рыдания почти прекратились, и из-под рук, закрывающих лицо, слышались только судорожные вздохи. Потом она совсем затихла, точно собираясь с силами, и вдруг быстро одним толчком поднялась с кресла.

– Пойдемте, – сказала она сухо, и лицо ее приняло прежнее гордое выражение.

⁴ Людовика XIV (франц.).

Когда мы отошли шагов десять от подъезда, она неожиданно остановилась и, глядя мимо моей головы, холодно сказала:

– Мне все равно, что вы думаете обо всем этом случае... Точно так же, как я не намерена брать с вас слова, чтобы вы никому о нем не рассказывали. Но я требую, чтобы вы не провожали меня и никогда не старались узнать мою фамилию. Слышите?

И вслед за тем, не сказав прощального слова, даже не бросив на меня мимолетного взгляда, она быстро пошла по тротуару. С минуту я видел ее высокую колеблющуюся фигуру. Потом туман скрыл ее.

Весьма вероятно, что для всякого другого описываемое происшествие имело бы смысл интересного приключения, загадочной встречи – и только. Для меня же оно стало громаднейшим событием всей моей жизни. Ничтожное, забытое существо, червяк, нищий, – я, однако, обладаю страшной силой воображения и болезненной мечтательностью. Прекрасная, таинственная женщина завладела мною всецело и навсегда. Первый день я ходил как в бреду. Я не мог разобраться в происшедшем и временами сомневался: не принял ли я за действительность один из моих нелепых снов. Я даже нарочно ходил на ту улицу, чтобы убедиться в существовании незнакомых мне прежде номеров «Занзибар». С каждым днем все сильнее и сильнее одолевали меня воспоминания. Вспоминать мельчайшие мелочи этого дождливого вечера сделалось для меня наслаждением и потребностью. Я думал о них и днем и ночью, и утром и вечером, и на ходу, и во время еды, и во время занятий, но всего сильнее и ярче представлялись они мне ночью. Я никогда не знал реальной любви с ее радостями, но я слышал и читал о том, с каким нетерпением влюбленные дожидаются момента свидания. Уверяю вас, с таким же нетерпением ждал я того времени, когда можно будет лечь в постель и в темноте, в тишине, прерываемой только тиканьем маятника за стеной, отдаться моим мечтам и воспоминаниям. О, не думайте, чтобы у меня в эти ночи бывало мало работы! Прежде всего мне никак не удавалось вспомнить лицо моей незнакомки. Тысячи других лиц всплывали и проносились перед моими глазами, затмевая это прекрасное лицо. Но я с упорством вызывал именно это лицо и так насиловал свою бедную голову, что она платила мне жестокими болями. И я добился своего. Теперь я знаю каждую линию, самый малейший изгиб этого лица, и никакая фотография не заменит мне моей памяти. Порою я почти осязаю его. Мне кажется даже, что я слышу иногда на своих руках тонкий и нежный запах, оставшийся на них после прикосновения к одежде этой женщины. Потом я начинаю вспоминать последовательность событий. Я кропотливо, шаг за шагом, постоянно возвращаясь назад и перебирая мелочи в уме, восстанавливаю каждый жест, каждое слово, каждый поворот головы. Это трудно, но возможно. Помните, может быть, как у Мопассана в его «Une vie»⁵ героиня линует бумагу на клетки, сообразно с каждым днем своей жизни, и вспоминает ее всю постепенно. С такой же тщательностью и я воскрешаю в уме вечер 22 августа, так что все написанное здесь мною – точно, как истина. Затем я стараюсь проникнуть во внутреннюю сторону событий, заглядываю в возмущенную душу своей незнакомки и освещаю эту темную пропасть. Труднее всего то, что мне приходится идти сомнительным путем. Если бы меня спросили: как поступит такой-то человек, такого-то возраста, такого-то воспитания или среды, при таких-то и таких-то обстоятельствах, – я бы ответил с большей или меньшей уверенностью. Но у меня только и есть данных, что поступок человека, а мне по этому поступку страстно хочется узнать, какая душевная буря толкнула этого человека. И я разбираюсь в тысячный раз в происшедшем. Я знаю, что моя незнакомка горда, страстна, порывиста и смела. Какое же сердечное потрясение выбросило на улицу в грязный осенний вечер эту женщину с аристократическим лицом и повелительным голосом? Несомненно, что это потрясение было сильнее самой смерти, потому что такие гордые натуры умирают легче, чем переносят позор. Стало быть, ей именно позор и был необходим.

⁵ «Жизнь» (фр.).

О! Я уж понимал теперь горькое и ужасное значение брошенной мне фразы о «первом встречном». Позор для другого – в позоре для самой себя... Отсюда остается только один шаг до вывода, что вся ее сумасбродная выходка была делом нестерпимой ревности и неудавшейся мести. «Око за око, зуб за зуб» – она хотела отплатить тою же монетой, какой получила оскорбление, но – в более полной, более ужасной мере. Потом я мечтал. Фантазия моя рисовала и роскошные сады с журчащими фонтанами, и разбойников, и похищение прекрасной незнакомки, и неожиданного спасителя, и свалившееся на голову с неба богатство... Впрочем, стоит ли об этом говорить? Два года я свято исполнял требования незнакомки, да и как я мог узнать ее фамилию или адрес? Но сама судьба совершенно неожиданно указала мне ее. Однажды зимою я проходил по Английской набережной. Из ворот великолепного дома выехала карета, запряженная парю вороних лошадей, и остановилась у подъезда. Из подъезда вышла дама, при виде которой у меня застучало в висках, я должен был схватиться за стену, чтобы не упасть.

...Вы, конечно, не обратили внимания на мою жалкую фигуру в потрепанном пальто и помятой шляпе, а я... я узнал бы вас только по одному волнению, которое, как электрический ток, потрясло мою душу. Я узнал также и ваши гербы на карете, и вашу фамилию, и высокое положение, занимаемое вашим мужем. Я узнал все это совершенно невольно, вовсе не желая проникать в чужую тайну.

Вскоре меня перевезли из Петербурга в то место, из которого я теперь пишу. Уже четыре года отдаляют меня от туманного августовского вечера, но каждая черточка этого необычайного события так же прочно и так же ясно живет в моей душе. Не смейтесь надо мной и не сердитесь, если я, наконец, решаюсь выговорить, что люблю вас. Назовите мою любовь только безумием, потому что по-своему я счастлив и благословляю вас за то, что вы дали мне четыре года в моей жизни, четыре года томительных и блаженных страданий. В любви только надежда и желания составляют настоящее счастье. Удовлетворенная любовь иссякает, а иссякнувши, разочаровывает и оставляет на душе горький осадок... А я люблю без надежд, но все с тем же неугасимым пылом и с тою же нежностью, с тем же безумием. Я – жалкий пария, полюбивший королеву. Разве может быть королеве обидна такая любовь?.. И, наконец, вы можете извинить мое сумасшедшее письмо еще и по другой причине. Я пишу вам из больницы, и сегодня доктор (старый друг моего покойного отца) сказал мне, что жить мне остается не больше месяца. А ведь трудно сердиться на умирающего, особенно если он, стоя на грани этой холодной, черной бездны, посылает вам свое благословение и вечную благодарность.

(Имя и фамилия.)